

УДК 929 (092); 378.4 (470)

TATYANA NIKOLAEVNA ZHUKOVSKAYA

*Ph.D. in History, Associate professor,
Institute of History, Saint Petersburg State University.
198515, Saint Petersburg, Strelina, ul. Gogolya 12-77.
E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru; t.zhukovskaya@spbu.ru*

Paris of Alexander Presnyakov

The article is about the mission to Paris of the famous Russian historian Alexander Presnyakov, which he accomplished during summer of 1911. The main source of analysis is his letters to his wife, which are remarkable by their rare detail and candor. The center of interest – the system of academic and cultural communication, in which Presnyakov was included in during his stay in the French capital. This article presents his academic and personal relationships in the context of his perception of art and everyday life in Paris. These relationships formed his «lifeworld» as an intellectual. Attitudes to Paris as the quintessence of bourgeois Europe and European culture, expressed gnomic and emotionally. This allows to classification, without a doubt, A.E. Presnyakov as a Westerner and European in spirit, regardless of his disciplinary belonging to school of «Russian historians».

Keywords: *A.E. Presnyakov, cultural life of Paris in the beginning of XX century, Petersburg historical school.*

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России до XX в. Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета.
198515, Санкт-Петербург, п. Стрельна, ул. Гоголя, 12, кв. 77.
Тел. (812) 328-94-48, e-mail: tzhukovskaya@yandex.ru, t.zhukovskaya@spbu.ru*

Статья посвящена научной командировке в Париж известного русского историка А.Е. Преснякова, которую он совершил летом 1911 года. Основным источником для анализа служат его письма жене, отличавшиеся редкой детализацией и откровенностью. В центре внимания – система научной и культурной коммуникации, в которую Пресняков включается во время пребывания в столице Франции. В контексте восприятия им художественной и повседневной жизни Парижа представлены научные, дружеские и семейные отношения, образующие «жизненный мир» ученого-интеллектуала. Отношение к Парижу, как квинтэссенции буржуазной Европы и европейской культуры, выраженное точно, афористично и эмоционально, позволяет безоговорочно отнести А.Е. Преснякова к западникам и европейцам по духу, независимо от его дисциплинарной принадлежности к школе «русских историков».

Ключевые слова: *А.Е. Пресняков, культурная жизнь Парижа начала XX в., петербургская историческая школа.*

Париж Александра Преснякова*

Творчество и личность выдающегося русского историка Александра Евгеньевича Преснякова (1870–1929) давно привлекают внимание историков науки. Это внимание усилилось после издания уникального комплекса писем и дневников, документирующих фактически всю сознательную жизнь этого ученого и раскрывающих его внутренний мир [1; 2]. В силу особой событийной полноты и редкой степени открытости, интимности этой семейной переписки внимание к личности и судьбе А.Е. Преснякова вышло за рамки только историографии [3; 4; 5]. Внимание к этому источнику соответствует антропологическому и социологическому повороту в истории науки, в данном случае – в изучении «петербургской исторической школы» периода ее расцвета.

В данной статье хотелось бы углубить не столько историографический, сколько личный портрет А.Е. Преснякова, внимательно читая его письма жене, Юлии Петровне, написанные во время научной командировки в Париж в июне–июле 1911 г. Парижские письма Преснякова отличает яркая эмоциональность и детализация в передаче впечатлений и обычная для него дотошность в описании своих дел, встреч, мыслей и чувств. Всегда полнокровный и разнообразный «жизненный мир» Преснякова в Париже организован иначе, чем в привычном Петербурге, Москве или в Берлине, где он так же работал в библиотеках, ходил по художественным выставкам, музеям и кафе, так же общался с друзьями и коллегами. Историк оказался увлечен Парижем,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00528.

концентрированным миром европейской городской жизни как высокой культуры, так и повседневности. Поэтому его парижские письма с особой точностью раскрывают его настроения, вкусы и характер, его культурные и научные интересы, его университетские и дружеские отношения.

Тема «парижских путешествий» историков конца XIX – начала XX века уже затрагивалась применительно к тем из них, кто бывал во Франции регулярно, много работал в архивах или, как И.М. Гревс, сам разрабатывал методику образовательных путешествий [6; 7]. Парижские письма Преснякова близки как источник письмам его старшего коллеги А.С. Лаппо-Данилевского, написанным во время его командировки 1896 г. [8, л. 42–51; 7, с. 104–108], но гораздо более объемны, откровенны и разносторонни, что связано с личностью как писавшего их, так и адресата.

Пресняков мечтал об «академическом путешествии» в Европу еще в годы магистратуры. В марте 1898 г. он пишет матери, что его руководитель, С.Ф. Платонов обещал ему устроить на будущее лето заграничную командировку от университета: «Эх, кабы это в самом деле удалось. А почему бы нет? Устроил же Платонов в нынешнем году такую командировку для Полиевктова» [1, с. 269].

Закончив весенний семестр 1911 г. в Петербургском университете и на Высших женских курсах, сдав издателям часть редактируемой им «Русской энциклопедии» (1911–1915) и 22-й том ПСРЛ с «Хронографом» 1512 г., А.Е. Пресняков выезжает в командировку с целью собрать историко-сравнительный материал для читаемых им курсов по истории Великого княжества Литовского и Северо-Восточной Руси. Наиболее интересен ему был материал для характеристики властно-правовых и имущественных отношений в позднефеодальной Европе.

Раньше или позже Пресняков бывал по научным делам в Берлине, Варшаве и Кракове, но научная командировка в Париж оказалась для него первой и последней (в январе 1929 г., уже смертельно больным, он приедет в Париж на операцию, которая ему не поможет). Свои парижские впечатления 1911 г. он как бы «запечатал» в памяти и больше не тревожил. Материалы же, собранные во время командировки, были использованы им при подготовке курса лекций по истории Северо-Восточной Руси и в конечном итоге включены в докторскую диссертацию «Образование Древнерусского государства» (1918).

Устав за год, перед отъездом Пресняков даже не был вполне уверен, нужна ли ему эта командировка. «В Париж, по совести сказать, я поеду только потому, что так нахвастал большими задачами этой поездки, что надо хоть вид сделать», – пишет он за неделю до отъезда из Петербурга жене, которая уехала вместе с детьми в литовское имение Домброва (Сувалкской губернии) [1, с. 690]. В таком настроении Пресняков не ожидает от этой поездки какой-то новой яркости и полноты душевной жизни, которую его друзья-путешественники находят в Париже, он уверен, что этот своеобразный «душевный Париж» у него уже есть – это его семейное счастье. «Каков бы ни ока-

зался Париж, Головань не прав..., ставя парижские впечатления так, что де то или другое может быть очень худо для тебя или для него. Он не знает, не предчувствует даже, что нам нового его Париж немного дать может, что то, что он там ищет – в тебе все есть, только цельнее, чем он и от Парижа взять может» [1, с. 690].

В Париже Пресняков намеревается провести 1,5 летних месяца в работе, но при этом ожидает скорого приезда жены, чтобы разделить с ней радости парижской жизни. После 23 лет знакомства и 17 лет брака он любит свою жену так же страстно, как в юности, тоскует в разлуке и, главное, – испытывает потребность делиться с нею всем, что думает и чувствует. После смерти матери историка Юлиа Петровна Кимонт – его постоянный и главный собеседник, а письма к ней по своей душевной открытости заменяют дневники, которые он перестал вести еще в студенческие годы. Собственно, не будь он так счастлив в браке и так доверителен в переписке с женой, мы не узнали бы настоящего Преснякова.

В своих письмах из Парижа он ведет гораздо более плотный, непрерывный и эмоциональный разговор в письмах с женой, чем это было прежде. Это не демонстрация, а потребность: он посылает Юлии Петровне обстоятельные письма о работе, впечатлениях, мыслях ежедневно, а то и дважды в день. Для него это возможность «оживить» чувство на расстоянии, поддержать иллюзию своего присутствия рядом с женой, которой выпало трудное лето в связи с похоронами матери и разделом имения. Кроме писем жене Пресняков посылает единственное письмо отцу и по несколько открыток детям, в том числе с видами залов Национальной библиотеки, в которых работает. Старшему, 13-летнему Евгению, в это время он уже пишет отдельно, как взрослому.

Пресняков едет из Петербурга поездом через Берлин, где останавливается на полдня в ожидании нужного поезда на Париж, затем преодолевает еще 20 часов дороги и еще одну ночь без сна, в набитом купе и, наконец, уставший, приезжает 23 (10) июня на Северный вокзал Парижа. Первое впечатление Преснякова от Парижа на фоне усталости не было романтическим: «Париж встретил меня нахмурясь и холоднее холодного. Лишь потом разгулялся, видя, что я ничего – смирный. Да, Париж, Париж! Что с ним-то делать? Сама увидишь!» [1, с. 692].

Оставив чемодан на вокзале, он пролагает свой первый маршрут по городу от вокзала до Латинского квартала, где собирается остановиться по совету друзей, точно так, как это делают и сейчас тысячи туристов: «Сел в подземный метрополитен – до бульвара С[ен]-Мишель, поднялся бульваром до Сорбонны, свернул в прилегающие к ней улочки Латинского квартала – и ул. Toullier» [1, с. 692]. Однако в рекомендованной ему маленькой гостинице, точнее сказать, пансионе «Hôtel des Mathurins», которую содержал г. Мену (Menoud) на улице Тулье, все комнаты оказались заняты, поскольку студенты-постояльцы еще не разъехались. Пресняков вынужден был ждать, когда у г. Мену освободится большая комната за

75 фр. в месяц, временно разместившись у владельца соседнего пансиона, в доме напротив. Первоначально он рассчитывал платить за комнату 40–45 фр., примерно столько, сколько платили за жилье в этом районе студенты. Эти скрупулезные выкладки говорят о том, что, приехав на длительный срок в Париж и ожидая жену, историк был достаточно ограничен в средствах, по крайней мере, считал деньги и экономил на каждом шагу. На своем счете в Русско-Азиатском банке он имел к началу поездки около 1600 фр., но ежедневные расходы, включая завтраки, обеды, посещение музеев и выставок обгоняли его предварительные финансовые расчеты. «Выяснилось, – сообщает он жене, – что фр[анков] за 45–50 можно иметь вообще комнатку очень маленькую, очень студенческую, а мне на так долго это как-то не очень уютно показалось. <...> Словом, согласился. Прельстил меня тихий закоулок, полный жизни, даже шума, но тихий по странно-простому уюту этих улочек Латинского квартала и его “отелей”» [1, с. 692].

В первый же день Пресняков внимательно наблюдает «анатомию» Латинского квартала из окна, и она ему определенно нравится: «К сыну моего хозяина пришли толпой его товарищи по школе и с ним ушли куда-то, шумной процессией среди улицы. Menoud – сидит на своем крылечке, газету читает. Неподалеку судачит пара кумушек. Мы en pleine province¹ – далеко от “столичности” большого города – и в двух шагах от б[ульвара] С[ен]-Мишель и Сорбонны» [1, с. 693]. Номер Преснякова в отеле Матюрен (№ 10), вероятно, был на втором или третьем этаже, окнами на улочку Тулье (см. фото 1).

Фото 1

Латинский квартал заселялся в это время русскими достаточно плотно. Число только русских студентов-слушателей Сорбонны составляло к 1911 г. не менее 700 человек [9, с. 18–19]. В 200 м. от «отеля» г. Мену, на рю де ля Сорбон, 12 в пансионе для студентов «Коллеж де Франс» двумя годами ранее жил О.Э. Мандельштам, когда учился в Сорбонне. В 1907–1908 гг. в Сорбонне учился Н.С. Гумилев, а также племянник А.Е. Преснякова, будущий патриарх американской русистики Михаил Карпович. В доме напротив, на крохотной улочке Toullier, д. 7 (там, где Пресняков провел первые два дня), в начале 1920-х г. будет останавливаться В.И. Вернадский. Сто лет назад это был очень демократичный, студенческий район. Сейчас он остается почти таким же, однако «апартаменты» на улочке Тулье сдаются за 1560 евро в месяц. Дом № 8 на этой улице, где Пресняков провел основное время своей парижской командировки, и сейчас выглядит так же, как в 1911 г., правда, сейчас в нем нет гостиницы. По-прежнему много маленьких отелей в соседних домах, разумеется, не для студентов, а для туристов.

По Парижу Пресняков перемещается не столько на метро, сколько на фиакре, трамвае, омнибусе, иногда на такси, чтобы наблюдать город, впитывать его. «Не метрополитен и не трамы, а омнибусы (весьма первобытные кукушки-моторы) самое удобное парижское сообщение» – пишет он [1, 699]. «Езжу почти исключительно омнибусными автобусами, на площадке стоя, чтобы улицы, площади, дома и мосты перед глазами мелькали. Метрополитеном пользоваться неохота. Что за удовольствие ездить не по Парижу, а под Парижем? Раз, другой это занимательно, чтобы и с этим познакомиться, но постоянно – благодарю покорно!» [1, с. 702].

В первый же день, забрав чемодан на вокзале, он идет на Большие Бульвары, по дороге в банк совершает первые покупки, радуется им, наблюдает уличную жизнь Парижа. Его удивляет, как легко «вписался» он в ритм этого города: «Вообще, с первых шагов меня охватило в Париже странное чувство, точно я не в чужом незнакомом месте, а так, как на улицах Москвы, более “дома”, чем в Петербурге. Это чувство все нарастало сегодня. Нарастало удивление, что вовсе нет того чувства отчужденности, которое так сильно в знакомом Берлине было. Париж сразу принимает в себя, как хорошо сидящая перчатка руку, так свободно, просто, уверенно чувствуешь себя на его улицах, так легко спросить о чем-нибудь прохожего или приказчика у дверей магазина. Ответят весело, покажут, проведут» [1, с. 693]. Ощущение, что в свободной атмосфере Парижа ты более дома, чем в родном городе, – знакомо многим, и Пресняков его фиксирует в первый же день. «Да, Париж, Париж! Ходишь по его улицам, и все тянет дальше, дальше. Две бессонных ночи, зуб ноющий – забылись как-то. Купаешься всеми нервами и неожиданной большой красоте. Живописен Париж до чрезвычайности. Много старины – память французского средневековья неожиданно составляет фон. И новое разнообразно, богато неожиданными ensemble`ями. <...> А главное

живет, движется, шумит на улицах голосами, возгласами, криками, свистками, сигналами. Слушаешь, оборачиваясь туда, сюда, откликаясь на каждый звук. Что-то в этих звуках – даже механических – особенно жизненное, задорное есть, остроумное, художественно-неожиданное. <...> Без конца разнообразны и типы. Толпа, подвижная и суетливая, экипажи столь разнообразных типов все время захватывают любопытство, потому что и тут все неожиданности, то и дело мелькнет что-нибудь подчеркнутое, выразительное, яркое своей экспрессивностью. Тип франц[узского] рабочего, оборванца-апаша, странные женские типы, пестрота лиц и одежд – сюртук и шляпа на тянущем тяжелой повозку чернорабочем, фигура апаша с внимательным и вызывающим лицом в самом “парадном” месте улицы, тип полицейского, приказчика... Бродя по улицам, я вспомнил, что завтра Dimanche² – все заперто, что я буду делать? Пойти в Лувр? Даже смешно стало: осматривать “музей” искусства, когда тут, бродя по улице – наблюдая и глядя – творишь сам большое в себе искусство. Это не фраза, и вот то и странно, что тут на улицах Парижа – это не фраза...» [1, с. 693–694].

Живи Пресняков в наши дни, наверное, он без конца фотографировал бы Париж, хотя и фотография не могла бы передать настроение быстро сменяющихся картин, которым ему хочется делиться с женой: «Хотелось бы поминутно делать *scouis*³, зафиксировать линии, краски, движения, потому что это делается в тебе самом. <...> А рядом какая детская жизнерадостность, уверенность, приветливость. Какой смех, какая игра жестами, движениями, какая экспансивность. Но и какие на каждом шагу усталые, усталые лица, сколько злости в глазах, вызова в позах. И вернувшись в захолустное *Toulier* – рад, что не живешь там, на Монмартре⁴ и еще где, что есть и отдых» [1, с. 694].

Узнавание и понимание «души Парижа» и парижан облегчалось тем, что у Преснякова был хороший французский. Хозяйка гостиницы, как он говорит, «сыпала комплиментами моей французской речи, уверяла, что меня никак не принять за иностранца» [1, с. 698].

25 июня Пресняков переехал в свой постоянный номер, который также оказался маленьким («второй кровати негде поставить»). Он еще не был в Национальной библиотеке, главной цели своего путешествия, но уже много ходил по бульварам, по набережным Сены. «Бродил по бульвару *St. Michel* – и дальше по линии бульваров. <...> А хороши бульвары и ночью. Фон темный, на нем много разноцветных огоньков. У французов видно в крови какое-то колористическое чувство». Утром «шел по *gare de la Seine* – узенькой рыночной улочке. И тут в окружении лавчонок – маленькие эстампные лавки, на окнах оригиналы офортов лучших художников, красивые издания. И на бульварах есть открытые стойки – *librairie*, где для толпы мимо идущей, рядом со всякой дрянью – положены книги по искусству, иллюстрированные издания. Эта мелочь – характерна. В Париже самая суть – его настоящий демократизм, где высоты культуры смешаны нераздельно с жизнью

и интересами улицы. Ведь тут самое интересное и талантливое – богема, живущая одною жизнью с этой улицей» [1, с. 695].

Но свободного времени у историка совсем немного. Вечером ему приходилось «отдыхать за большой пачкой корректур, чтобы их утром отправить» [1, с. 695]. Записи о просмотре и отсылке почтой порции корректур в Петербург встречаются почти каждый день.

В дождливый день ничего не остается, как пойти в Лувр. «Начал с древней скульптуры. Венера Милосская не запишет меня в свои поклонники. Скучная статуя... Нет обаяния красоты. Мертво. Вся эта скульптура в Лувре попорчена бездарной реставрацией. Но дивно хороши Луврская Минерва и еще очень архаичная Гера, без головы. <...> Поднялся к живописи. Леонардо, Джоконда, *Madonne au rocher*⁵, Креститель, etc. Манерная, нездоровая экспрессия, плетеная композиция. Не взял и он меня. Живопись Ренессанса бегло посмотрел с чувством, что это для меня только археология. Ожил – *on revient toujours à ses premiers amours*⁶ – перед Рембрандтом. Этот настоящий, глубокий. Или я так его любил, потому что мы с тобой его так захватывающе смотрели?» [1, с. 696]. Последняя фраза Преснякова, транслирующего свои впечатления от живописи, – ключевая. Его отношение к прекрасному, его зрительная и событийная память неизменно окрашивается присутствием (или отсутствием) близкого человека, любимой женщины. Он и на Париж смотрит одновременно не только собственными, но как бы и ее глазами.

Бродя по Люксембургскому саду, Пресняков заходит на выставку Родена в Музее Люксембургского дворца, оценивая помещенную здесь же «новую» живопись (модернистов). Шутя «измодернился я до крайности», он признается, что модернизм оставил бы «для изучения, не для себя» [1, с. 696]. В этой фразе Пресняков раскрывается как ценитель искусства, готовый глубоко изучать его, желающий узнавать и оценивать новые художественные направления, но при этом вновь и вновь возвращаться к тому, что любит, отделяя первое от второго. Так он относится не только к живописи, но и к музыке, которой в молодости увлекался довольно серьезно. Причем ему важно, чтобы то, что нравится ему, любила бы и его Юлия Петровна, которая как выпускница Художественно-промышленного училища Штиглица, обладала взыскательным художественным вкусом. В своих оценках достоинств того или иного шедевра он как бы смотрит на него удвоенным зрением, сравнивая с теми безусловными образцами, которыми они восхищались вместе с женой.

Первые дни Преснякова в Париже осложнились известием, что в Домброве, где оставалась с детьми Юлия Петровна, умерла ее мать. Это отсрочило приезд жены в Париж и потеснило эйфорические настроения Преснякова. В первом порыве он думал даже все бросить и ехать в Домброву, или сократить свою командировку до 10 дней.

Только 26 июня, т. е. на четвертый день пребывания в Париже, Пресняков начинает работу в На-

циональной библиотеке Франции. Как иностранный читатель, для допуска в залы для научной работы он должен был сначала получить рекомендацию от российского консула в Париже. Его целью был просмотр редких изданий XVII–XVIII вв., которых не было в России. Первый его библиотечный день оказался удачным. «Только около трех добрался до библиотеки, но там сразу попал на дело (она открыта с 9 до 6 ч.). Встретил Фридмана и Тарле. Тарле помог мне понять порядки, показал, где искать справки, как пользоваться каталогами и т. д. Первое, что мне дали, было такое редкое издание 1618 г., что его не дали на место, а пригласили меня в “резерв” – особый стол, вместе с библиотекарями, где занимаются особо редкими изданиями под их наблюдениями. В три часа времени я выписал оттуда все, что надо и заготовил себе материал на завтра, отложенный для меня. Теперь пойдут правильные рабочие дни, и я быстро, не теряя времени, справлюсь с тем, что необходимо действительно сделать здесь» [1, с. 698].

Наладился размеренный режим работы. От пл. Сен-Мишель до исторического здания библиотеки на ул. Ришелье (см. фото 2) Пресняков добирался omnibusом.

Фото 2

Через неделю, оценив расстояние, он стал проделывать весь путь пешком. В перерывах между занятиями компания русских читателей выходила покурить в небольшой скверик с фонтаном, расположенный напротив библиотеки на ул. Ришелье (см. фото 3).

Пресняков был заядлый курильщик, не случайно он детально описывает этот элемент библиотечного распорядка: «Вчера мы вместе выходили на улицу и в скверик против библиотеки покурить. Тут такой порядок, что ни только в здании библиотеки, но и в ее дворе курить нельзя, и входят в залу в шляпах и в пальто, и не выпустят уже, пока книг не сдашь. Но без шляпы можно выходить из залы – для разных надобностей или в бюветку. Вот курильщики, как мальчуганы, и пользуются этим, уходя без шляп на улицу покурить» [1, с. 708].

После библиотеки компания историков обедает в различных по классу заведениях, которые презентовал Преснякову более сведущий в парижской

Фото 3

кухне Е.В. Тарле. Иногда Пресняков обедал один: «Нашел я себе ресторан, недалеко от библиотеки, где недурной обед с вином за 2 фр. Так что и в смысле расходов войду в норму» [1, с. 698]. Завтракал он перед началом занятий прямо в библиотеке или вместе с Е.В. Тарле у «одного из бесчисленных “Дювалей”» [1, с. 699]. Пресняков довольно много места уделяет французской кухне: «У “Blond” супы хороши, как дома; 2 салата разных на выбор, рыба, мясо или птица; компот из ананасов или пирог с вишнями, фрукты (я отличный персик съел), 1/2 б[утылки] вина легкого и приятного» [1, с. 699].

День за днем компания русских читателей Национальной библиотеки становится все многочисленнее: приезжает ученик Тарле В.А. Бутенко, юрист А.С. Яценко. Пресняков даже замечает ворчливо: «Столько в библиотеке русских набралось, что лучше завтракать в другом месте. Хотя, в общем, встреча со знакомыми в библиотеке скорее приятна, но мимходом» [1, с. 714].

Со временем вопрос питания решается с минимумом удобств, зато без лишней траты времени – вся компания обедает в буфете самой библиотеки. «В биб[лиотеке] есть буфет – “buvette”, где можно за 80 с[антимов] – 1 фр. недурно позавтракать с вином» [1, с. 700]. Немаловажен для много курящего Преснякова вопрос о покупке табака. «Папиросы я курю недурные по 75 с[антимов] 20 штук, а так как в Нац[иональной] биб[лиотеке] курить вовсе нельзя, даже во дворе, то их мне хватает на 2 дня. Есть еще и остаток от берлинских, но те я берегу почему-то. Папиросы тут большею частью без мундштуков, так что приходится курить с деревянным мундштуком» [1, с. 700]. Точность и обстоятельность денежных подсчетов не удивляет: Пресняков как отец семейства и человек, живущий своим трудом и привыкший считать деньги, старается не тратить на себя слишком много.

Пресняков привык вставать рано, около 6, чтобы с утра поработать с корректурами. Вот как историк описывает свой парижский день: «В половине восьмого пошел искать omnibus к Нац[иональной] библиотеке, неподалеку от нее кофе пил с сэндвичем

(булка с маслом и ветчиной), и явился в библиотеку в числе первых, как только в 9 двери отворили. Занятия идут недурно. И действительно, в тех вопросах, какие меня интересуют, я только здесь сразу разобрататься могу, так как без каталогов Нац[иональной] библ[иотеки] и не узнал бы о существовании нужных книг и изданий, да и не достал бы многих» [1, с. 698–699]. Организация работы библиотеки его радует: «Оказывается, все главные издания документов по истории Франции – королевских ординасов, грамот и т. п. стоят тут же в зале, кругом на полках и их можно самому брать себе на место. А эти издания меня всего больше затрудняли, так как мне их надо целиком пересмотреть, а я не знаю, где и что в них пересмотреть; тут же можно искать самому, не стесняя себя библиотекарем» [1, с. 700]. Он упорно работает с 9 утра до 17.00–17.30 вечера, кроме воскресенья, и уже через неделю понимает, что материала гораздо больше, чем он предполагал. «Мои темы потребовали бы, собственно, целого лета», – пишет он [1, с. 706].

После библиотеки, обеда в одиночку или с соотечественниками Пресняков проводит вечер у себя в комнате за писанием писем или за корректурами. «По вечерам сижу дома, ложусь спать без кофе, потому что аппетита никакого после такой кормежки, да и лень идти. На увлечение Парижем в одиночку нет энергии и охоты» [1, с. 699]. Он ждет, когда сможет разделить эстетическое и душевное удовольствие от Парижа с женой, а пока его, не привыкшего к одиночеству, нет-нет, да и посетит тоскливое чувство. «Когда что-нибудь очень красивое увидишь – в окне ли магазина, как напр[имер], вчера перед Тюльери в художественных, ювелирных, или на бульваре – поднимается чувство – ну, к чему все это, когда нет Юли. И Тюльери так пусто показалось, потому что мне одному на что оно?» [1, с. 701]. Парижское одиночество провоцирует Преснякова взглянуть и на собственную любовь как бы с некоторой дистанции, оценить ее и сказать себе: «Нельзя постоянно жить большими и глубокими настроениями нашей любви, а держать их взаперти, как шампанское в крепко закупоренной бутылке, довольствуясь тем, что она есть, хотя и лежит под спудом, но будут минуты, когда снова вырвется на свободу – на пару чудных мгновений» [1, с. 701]. По существу – эта ремарка о том, что разлука полезна для любящих, ибо дает им время оценить свое чувство.

День за днем Пресняков не перестает ощущать Париж как комфортное жизненное пространство, где легко соединить напряженную работу и отдых, в этом смысле здесь он чувствует себя даже «лучше чем в Москве», которая была для Преснякова городом детства и «вечного возвращения» во время архивных командировок. Из всех городов, которые видел, он готов сравнить органику и свободу Парижа только с Москвой: «Чем больше я набираюсь “Парижа”, тем больше поражает меня, какое-то внутреннее родство. <...> В чем дело, трудно определить. Должно быть, в свободной уверенности толпы, размахе и живописности города, да еще в историчности, которая

так сливается с нынешней живой жизнью. Конечно, Москва крохотная, и все в ней жидковато, даже очень, сравнительно с здешним. Но и те московские черты, за которые ее называют большой деревней, сродни тому, что я отмечал тебе, как провинциализм, которого так много в Париже. Говоря “по-ученому”, оба города глубоко национальны, в отличие от Петербурга или Берлина» [1, с. 702].

Наблюдения Преснякова об уличной жизни Парижа, образах и духе города очень точны и на удивление современны. Иногда они напоминают кадры видеосъемки: «Сижу у открытого окошка. На улице гуляют студенты Сорбонны со своими amies⁷. Тут постоянно вечером встречаешь парочки. И потешный же это тип – парижская гризетка. Ведь это все по 16–18 лет. А потом? Но пока много веселья в молодой жизни Латинского квартала, безудержного, но не грубого» [1, с. 700].

Столица Франции представляется Преснякову богатым и разнообразным миром, где есть все: «Париж, живой и шумный, поднимает энергию, бодрые силы. И знаешь, он только для очень убогих пошляков – веселый город в легком смысле слова. На самом деле его тон – деятельный и очень глубокий. Тут все толкает на думу, на очень серьезное, какое-то “ответственное” настроение, на большие требования к себе и к жизни. Тут не тешишься жизнью можно, а изучать ее и работать над ней, радуясь ее яркости и силе. Содержательность глубокая, глубокая в этом Париже» [1, с. 698]. Однако, погрузившись в работу, историк останавливает свое знакомство с Парижем, ожидая приезда жены, после чего готов освободить время от работы, чтобы узнавать Париж вместе. Этот город, по его словам, «огромный и сложный. И сколько-нибудь углубиться в него нельзя иначе как при полной свободе, большой энергии и месяца в 2–3, право так» [1, с. 699].

Список памятных мест, «изюминок» Парижа, посещение которых между делом предпринял Пресняков, все же немал. Это Большие бульвары, где он гуляет много и охотно, заходя в рестораны и даже на распродажи, Люксембургский сад и сад Тюильри, куда он приходит не раз после работы в библиотеке, вечером. «Дома так вдруг скучно стало, что я немного отдохнув, в 8 ч. отправился omnibusом в Тюльери. Это чудный по широкой красоте сад. Но так тоскливо стало мне от его пустоты и парадной красоты XVIII в., что я сбежал в omnibus, едущий на бульвары. А бульвары ночью – сущая феерия. На них точно вечная иллюминация разноцветных огней и кишат они пестрой, суетливой толпой. Тут можно без конца планировать. У меня от природы мало к этому таланта, но тут только силы изменяют и усталость убивает фланерство. Сел у одного из кафе и раскутил на превкусный café-glacé с рюмочкой коньяку (целых 2 фр.!), а потом к Menoud и спать» [1, с. 701]. Пресняков акцентирует внимание на потраченной на «кутеж» сумме, которая почти равна дневному проживанию в его скромном «отеле».

Посещение Нотр-Дам для Преснякова – повод размышлять не только о готической архитектуре,

но и о католической церковности. «Попал я туда во время проповеди. Был день ап[остолов] Петра и Павла – и старичок патер говорил красиво, с большой энергией – о святости великой церкви и свел к призыву молиться за здоровье Ватиканского отца. Было интересно послушать. Так ясно у него выразилась суть католической церковности – вера в то, что все “спасение”, какое Христос миру принес, заперто за семью печатями в сундуке Ватикана, а мир людской остался в руках дьявола, и церковь из него вылавливает грешников своими сетями, как рыбу из моря. Бедный Христос – ведь если так, то выходит, что его дело *œuvre manquée*⁸, и Пий X его продолжает и поправляет!» [1, с. 704].

В своих пеших прогулках по городу, он не проходит мимо величественного храма Св. Марии Магдалины (*l'église de la Madeleine*), недалеко от площади Согласия: «Это центр католической аристократии Парижа. По воскресеньям тут у мессы *tout Paris*⁹. Но летом, должно быть, никого нет. Впрочем, надо будет в воскресенье к поздней мессе зайти» [1, с. 706]. И в данном случае, Преснякову интересна не столько архитектура и история храма, сколько католическая месса как акт культурной коммуникации и возможность наблюдать парижан.

Особое внимание, как и в других европейских поездках, он уделяет живописи, а в Париже, разумеется, ищет импрессионистов, уже хорошо известных в России благодаря щукинскому и третьяковскому собраниям. Посетив выставки современного искусства в величественных *Grand Palais* и *Petit Palais*, построенных для Международной выставки 1900 г., он не скрывает разочарования: «Огромный манеж – наполнен множеством скульптуры, а в верхних антресолях ряд зал – с живописью, гравюрами, рисунками, etc. И ни одной вещи я не видел, которую хотелось бы запомнить. Много хорошей техники, но банальщина царит повсюду... Где же прячется настоящее новое французское искусство? В салон его, очевидно, не пускают! <...> Кажется я уеду из Парижа буквально ничего не прибавив к тем сильным впечатлениям от нового франц[узского] искусства, какие мне дала Москва. Странно!» [1, с. 705]. Однако все же в Пти-Пале он находит постоянную выставку картин новых художников, приобретенных государством: «Тут есть кое-что из значительного и свежего, но ни один художник не представлен полно» [1, с. 705].

В Лувр Пресняков наведывается еще не раз, открывая для себя новые залы и новые полотна. «Так как я уже немного пришел в себя, то рассмотрел много чудес искусства, действительно интересных. Великолепные есть антики, но их выискивать надо. Один Рафаэль – портрет Иоанны Арагонской невероятно сохранился по краскам, таким сильным. Ван-Дик, мой Рембрандт... Его рисунков много в маленьких залах. Но главное, там много рисунков Леонардо. Из-за них я туда еще специально пойду. Но вообще Лувр слишком колоссален» [1, с. 705].

По совету жены Пресняков пытается познакомиться и с частными собраниями и выставками. «Есть несколько маленьких выставок, которые должны быть

очень интересны, и притом закроются через неделю. Надо бы их обойти. Но когда? Урывать время от занятий невозможно, благо я, с перерывом на завтрак выдерживаю с 9 до 5 ч. (до 5 1/2 или 6 – раза 2 только дотянул), а потом – заперто. Попробую в воскресенье все их обойти» [1, с. 705]. При этом «обойти» художественные выставки для него, значит, «показать» их Юле, описав в письме. Так, ему удастся вечером после библиотеки посмотреть собрание Дюран-Рюеля на Рю Лафитт. «Это собственно торговля картинами, но вход свободный, и картины частью размещены так, что можно удобно смотреть. Их немного – 20–30 – но это новое искусство, чудесные Pissaro – пейзажи с легкими, прозрачными, синеватыми тенями. Таких Pissaro хороших я еще не видал. Очень характерные Claude Monet и т. п. Это непременно посмотрим вместе» [1, с. 709]. Пресняков собирается сходить к Дюрану еще раз, а также «обойти несколько маленьких выставок, где есть, кажется, кое-что интересное» [1, с. 709]. Его собственный интерес к французской живописи перемещается от К. Моне к В. Ван Гогу, Гогену, от импрессионистов к постимпрессионистам. При этом он не может пропустить намечающуюся выставку акварелей петербургского «мирискусника» Л. Бакста, переехавшего в Париж.

Сильное эстетическое потрясение Пресняков испытал от экспозиции в Музее декоративного искусства, где «чуть не расплакался (совершенно буквально) от обиды и досады. Тут столько красоты ..., которая мне чужая и ненужная, если не согрета тобой, твоими интересами и впечатлениями» [1, с. 712]. Именно здесь Пресняков увидел и оценил последние работы Бакста: «Бакст дает фигуры в сильных движениях танца, прыжка – и краски одежд поэтому точно летят как интенсивный, головокружительный фейерверк. ... И какой он отличный рисовальщик. Тут его рисунки карандашные есть – пейзажи, деревья, плоды, ветви – это рисунок такой выразительный, конкретный и в то же время такой обобщающий, дающий так много одним штрихом, все существенное сразу. Совсем большой мастер стал» [1, с. 712].

Следуя обычными туристическими маршрутами, Пресняков поднимается на башни Нотр-Дам, откуда открывается вид на исторический центр города. Бродит по набережным Сены, один и с соотечественниками, за разговорами. Наблюдает вечерние бульвары и набережные Сены, вероятно, столь же многолюдные летом, как и в наши дни. Правда, на ночные прогулки по Парижу, не хватает сил, он только мечтает об этом: «Как-нибудь надо будет ночью побродить по Парижу. Лунная была тихая ночь – очень красивая. Жаль, что устал, а то пошел бы на набережную Сены» [1, с. 707]. Приходится признать: «Париж огромный, всего не обойдешь. Но еще две прогулки – на Монмартр еще раз и к Марсову полю, Эйфелю и Трокадеро – и главные части я буду знать» [1, 706]. Днем он заходит в домовую церковь французских королей Сен-Шапель, «лучшую после Нотр-Дам готику Парижа», оценивая ее внутреннее убранство как ансамбль [1, с. 713].

Отмечает вниманием Пресняков и памятники Латинского квартала: Пантеон, здания Сорбонны, средневековые улочки, Музей аббатства Клюни. Он удивляется множеству птиц в городских садах и скверах, которых нельзя услышать в Петербурге: «В городе певчих птиц постоянно слышишь. Должно быть, французы их много держат. А в Тюльери они как будто и так летают» [1, с. 708].

Прогулки Преснякова отличались иногда немалой протяженностью. 6 июля он пересек весь центр города на обоих берегах Сены: «Прогулялся на Марсово поле, видел вблизи Эйфел[еву] башню, под ней прошел, обошел Трокадеро и omnibusом по другой стороне Сены вернулся на бульвар С[ен]-Мишель. Да, красивый Париж. Его основной тон темный, грифельный – дает великолепный красочный фон и особую цельность всему разнообразию города» [1, с. 708].

В воскресенье вместо намеченной дальней поездки в Версаль Пресняков едет на самое знаменитое из парижских кладбищ – Пер-Лашез, оценивая самые яркие скульптурные композиции. Особенно поражает его скульптурная группа «Умершим», у входа на кладбище, созданная А. Бартоломе. «Видал памятник Шопена, скромный, старый, какой-то грустный – и долго сидел на его лесенке. Так и прошел мой день» [1, с. 713].

Быть в Париже и не одеться с европейским качеством и вкусом может только засушенный книжник, каковым Пресняков не был. Уже в первый день он покупает себе зонтик, две модные шляпы, после чего перестает внешне, как он пишет, отличаться от парижан. По совету Е.В. Тарле он заказывает себе костюм у хорошего портного, т. к. хочет «за 100 фр. (= 37 р. 50 к.) иметь отличный сюртук (на заказ, по мерке, из лучшего, какой выберешь, материала)» [1, с. 700]. Эта бытовая сторона жизни русского человека в Париже тоже по-своему любопытна. «Вчера с Тарле заходили заказать сюртук. Сегодня примерка. Материал, кажется, хороший. По настоянию Тарле я заказал за 100 фр. сюртук и жилет без брюк. Он уверяет, что брюки лучше купить готовые за 15 фр. maximum. Портной – это большой магазин, по уверению Тарле, лучший в Париже – в двух шагах от библиотеки» [1, с. 714]. Еще через два дня: «...Сюртук должен выйти отличный. Они так по-особому примеряют! Скроют черне, и первая примерка – очень тщательная пригонка к фигуре, так как кроют с запасом, не скупясь на обрезки материала, и потом перекраивают уже точно по фигуре». На пошив сюртука у модного портного ушло шесть дней.

Проходя по Большим бульварам, Пресняков обращает внимание на летние распродажи. «Вчера опять охватила меня сила парижского движения. Поехал я на бульвар Hausmann – где шла распродажа (soldes) магазинов с дамскими вещами, всякой papeterie¹⁰, посуды, кухонных вещей и чего угодно. Перед магазинами на тротуарах выставлены прилавки с товарами, и такая осаждают их толпа дам, с таким шумом и гамом, что я подошел, думая, что случилось что-нибудь чрезвычайное. Такая же сцена, необычайно крикливая, мелькнула вчера и у биржи» [1, с. 706].

Одновременно с Пресняковым, используя летние каникулы, в Национальной библиотеке занимается целая колония русских ученых: историков, юристов, экономистов. «В библиотеке] много русских. Васильев, Тарле, Кистяковский, Ященко из Юрьева, Фридман и еще какие-то. Но, по счастью, только здороваемся. Тарле сидит в библиотеке] рядом со мной и на первых порах очень заботливо много мне помог» [1, с. 699].

Иногда дистанция общения сокращается, когда после совместного обеда, за коньяком и кофе речь заходит о «делах университетских», обнажаются старые обиды, ущемленное самолюбие, оставленные в России корпоративные конфликты. Так произошло за обедом с Тарле, когда Пресняков вспомнил о его десятилетней давности промахах и неудачном переводе «Утопии» Т. Мора, изданном накануне защиты магистерской диссертации, что чуть было не поставило под удар саму защиту. Несмотря на то, что Е.В. Тарле представлял в начале карьеры киевскую школу историков, а Пресняков петербургскую, этот конфликт стал широко известным, и напоминание о нем огорчило Е.В. Тарле. «Жаль, что я не был осторожен», – комментирует этот эпизод Пресняков. [1, с. 703]. Еще через две недели он замечает: «С Тарле у меня совсем дружба какая-то. Хотя летняя: я, например, вовсе не хотел бы завязывать с ним каких-либо отношений в Петербурге» [1, с. 717].

«Русские» университетские разговоры в Париже, несмотря на желание Преснякова от них уклониться, продолжаются. К «академическим туристам» присоединяется вернувшийся в Париж 4 июля И.М. Гревс. Он останавливается в двух шагах от Преснякова, также в Латинском квартале, в отеле «Globe», напротив College de France. С балкона комнаты Гревса приятели рассматривают здания Сорбонны, «умилялись над прелестями Парижа» [1, с. 707]. С Гревсом обсуждаются перспективы передачи Преснякову курсов, читавшихся на филологическом факультете ВЖК С.Ф. Платоновым [1, с. 716], трудоустройство вечно мятущегося друга Преснякова искусствоведа В.А. Голованя.

В сопровождении Гревса Пресняков посещает несколько книжных лавок, в том числе книжную лавку Пикара. Но, поскольку он не сообщает о покупке книг, можно думать, что стесненность в средствах заставила его воздержаться от этого шага [1, с. 710].

Из последних парижских писем Преснякова мы узнаем, что вот-вот один за другим должны приехать его самые близкие друзья: В.А. Головань, М.А. Полиевктов, И.И. Лапшин и, наконец, С.А. Адрианов, который предложил сопровождать едущую к мужу из Домбровы Юлию Петровну. Таким образом, почти вся старая петербургская компания «форстенят» собирается в Париже. Но этот эпизод уже не попадает в имеющийся комплекс писем Преснякова жене.

К середине июля научная работа Преснякова осложняется установившейся в Париже жарой,ходящей до 33 градусов. «В библиотеке, под конец занятий, становится жарко и душновато. На улице раскаленные камни, духота» [1, с. 709]. В один из

жарких дней они вместе с И.М. Гревсом едут на край города, в Булонский лес. Ландшафты Булонского леса, обозреваемые с паровика, вызывают у чуткого Преснякова ассоциации с уже виденными пейзажами модернистов. При этом разговор снова возвращается вокруг петербургских университетских отношений, коллег, учеников [1, с. 710–711]. На следующий день Пресняков повторяет поездку в Булонский лес, уже без спутника, прогуливаясь, снова думает «о делах наших», т. е. петербургских [1, с. 711].

В напряженном библиотечно-музейном режиме трудно существовать долго, и к началу третьей парижской недели Пресняков жалуется на усталость: «Работа не клеилась, и вкус потерялся, еда всякая надоела – ничто не по вкусу... Библиотека пустеет, понемногу публика разъезжается. Едут кто на море, кто куда – отдыхать. Может быть, это усиливает мое ощущение усталости. Кажется правда, что пора отдохнуть. Даже глаза начинают уставать от постоянного чтения» [1, с. 714]. Впереди ожидаются три «пустых» дня, когда библиотека закрыта в связи с Национальным праздником 14 июля. Но Пресняков надеется провести эти дни в компании В.А. Голованя, хорошо знающего Париж, а, главное, милого душевного друга студенческих времен.

В описание Преснякова попадает подготовка французской столицы к Национальному празднику и описание праздничной атмосферы Парижа. «Уже с неделю идут приготовления. По всему городу строят балаганы, карусели. В разных местах у площадей развешены плакаты: grand bal le 13, 14, 15 juillet. Начнут, значит, сегодня, все ночи напролет шум, веселье, танцы на улицах. Собственно уже начали то там, то здесь. Карусели работают. Днем дети катаются, по вечерам – молодежь, студенты, гризетки, не заботясь о том, что делают карусель и ветер с их юбками. Музыка всюду слышна. Вчера вечером около нас проходила военная музыка – так лихо, бойко, задорно – и толпа приветствовала ее криками. И ушла музыка, ушли возгласы, постепенно затихая. Что твой Вагнер получилось!» [1, с. 715]. На следующий день: «Париж уже вчера начал танцевать. В разных местах города оркестры музыки играют танцы, а публика на улицах и площадях танцует. ... На этот день в Париж съезжается множество “провинции”; говорят, что сами парижане гораздо равнодушнее к своему “дню”» [1, с. 717]. Собственно, письмо, отосланное жене днем 14 июля, в день Национального праздника Франции, оказывается последним в этой подборке. Пресняков ожидает приезда жены со дня на день. Можно предположить, что их встреча состоялась около 20 июля и еще несколько дней или недель супруги провели вместе в Париже.

Любовь Преснякова к Парижу, как и многие его яркие жизненные впечатления, если так можно выразиться, попала в тональность основного чувства, непреходящего и одинаково сильного на протяжении всей жизни – любви к жене. Чувство Преснякова к Юлии Кимонт отличалось редким постоянством и интенсивностью на протяжении всех лет их знакомства и десятилетия брака. Дело, видимо, в том,

что историк обладал особым талантом души: умел беречь свою любовь и «подпитывать» ее в себе. Такой подпиткой становятся и дни парижского творческого одиночества, в разлуке с женой, но и в ожидании встречи. Можно спорить по поводу того, в какой степени слова любви, ставшие привычными и повторяющимися в каждом его письме, отражают динамику отношений и чувств, не одинаковых в 20 и в 40 лет, насколько они искренни и не являются ли лишь ответом на потребность женщины в словах любви. Неопубликованные письма самой Юлии Петровны гораздо сдержаннее [10]. Естественно, мужчина может немного подыграть и подольститься к любимой («Какие Парижи стоят таких 2-х дней с тобой, как последние два...» [1, с. 697]), но камертон его сердца летом 1911 г. дает ему понять, что открытый им Париж созвучен образу любимой женщины, соразмерен его чувству. Как все любящие, возвращаясь памятью к первой встрече с Юлией Кимонт в Тифлисе, еще гимназистом, Пресняков рифмует свою любовь с Парижем: «В Париж влюбился так же сразу, как в твою улыбку, которую встретил глазами и сердцем на Головинском¹¹ возле цирка» [1, с. 697]. Еще через несколько дней он признается: «Париж такой, что не смотреть его охота, а жить в нем всею силою своего внутреннего богатства. Мои увлекательные парижские впечатления – целый гимн Юле, счастью и радости. Только это трудно словами передать. Ты так почувствуй, что это такое...» [1, с. 701].

Париж как яркая развилка жизни, подталкивает его к размышлениям о своей судьбе, своей любви, о прошлом и будущем. В этих размышлениях – честность и даже беспощадность по отношению к себе и удивительная доверительность в непрерывном эпистолярном разговоре с женой. Пресняков обладает способностью выразить оттенки чувств, что дано не каждому, и в который раз фиксирует чувство не покидающего его счастья, соседствующее с чувством вины и тревоги. «Мое безмерное счастье часто подшито каким-то жутким стыдом. Кругом так много одиночества, горя, тоскливой лямки. А мы точно дразним людей собой, нашим огромным, чудесным счастьем, какого в обычной жизни не бывает. И не только это. Вся моя жизнь прошла так, без нужды, без тяжелой заботы, без борьбы, так все давалось и дается само собой – и все это под ярким, чудным светом Юлиной любви, Юлиной ласки. Точно сказка какая-то». Подобные концовки писем, возможно, читаются сегодня как ритуальные и слащавые, но для Преснякова они органичны.

В Париже А.Е. Пресняков был счастлив, достиг гармонии между напряженной научной работой, эстетическими и душевными впечатлениями от атмосферы города, который полюбил и в который «врос» с первого дня. Его отношение к Парижу, как квинтэссенции буржуазной Европы и европейской культуры, выраженное точно, афористично и эмоционально, позволяет безоговорочно отнести А.Е. Преснякова к западникам и «европейцам» по духу, независимо от его дисциплинарной принадлежности к школе «русских историков».

Примечания

- ¹ В глубокой провинции (фр.).
- ² Воскресенье (фр.).
- ³ Наброски (фр.).
- ⁴ Имеется в виду бульвар Монмартр.
- ⁵ «Мадонна в гроте», картина Леонардо да Винчи.
- ⁶ Всегда возвращаются к первой любви (фр.).
- ⁷ Подружками (фр.).
- ⁸ Неудавшееся дело (фр.).
- ⁹ Весь Париж (фр.).
- ¹⁰ Писчебумажных товаров (фр.).
- ¹¹ Имеется в виду Головинский проспект в Тифлисе (ныне пр. Руставели).

Литература и источники

1. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927 / Подг. текста, коммент. Т.Н. Жуковской, Д.Н. Лепина, Б.С. Кагановича. Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб: Дмитрий Буланин, 2005. 968 с.
2. Переписка А.Е. Преснякова с друзьями. 1890–1899 / Подг. текста, вступ. ст., коммент. Т.Н. Жуковской // Мир историка: историографический сборник / Ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск, 2007. С. 376–438.
3. Фрумкина Р. «Входите тесными вратами» // Сквозь асфальт: Эссе и статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 36–40.
4. Жуковская Т.Н. А.Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX–XX вв. Сб. ст. к 70-летию Р.Ш. Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 28–40.
5. Жуковская Т.Н. Смысл творчества и «жизненный мир»: случай А.Е. Преснякова // Культура исторической памяти. Матер. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 132–162.
6. Свешников А.В. Парижские путешествия русских историков начала XX века // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы науч. конференции. М., 2001. С. 233–237.
7. Рыженко В.Г., Мамонтова М.А., Корзун В.П. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX в. как культурная традиция // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 93–139.
8. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПб Ф А РАН). Ф. 113. Оп. 3. Д. 10: Письма А.С. Лаппо-Данилевского – Е.Д. Лаппо-Данилевской.
9. «Париж теперь является столицей русских революционеров». Русский Париж глазами французской полиции / Публ. Д.А. Гутнова // Источник. 2000. № 4 (46). С. 14–31.
10. Научный архив СПб Института истории РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 14: Письма Ю.П. Пресняковой – А.Е. Преснякову. 1901–1910. 131 л.

References

1. Aleksandr Evgen'evich Presnyakov. Pis'ma i dnevniki. [Letters and Diaries]. 1889–1927. Podgot. teksta i comment. T.N. Zhukovskoj, D.N. Lepina, B.S. Kaganovicha. Otв. red. A.N. Tsamutali. St.-Petersburg: Dmitry Bulanin publ., 2005, 968 p.
2. Perepiska A.E. Presnyakova s družjami [Correspondence from A.E. Presnyakov to his friends]. 1890-1899. Podgot. teksta, vstup. st. i comment. T.N. Zhukovskoj // Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik [Globe of historian: collection of articles on historiography] / Red. V.P. Korzun, A.V. Yakuba. Vyp. 3. Omsk, 2007, pp. 376–438.
3. Frumkina Reveka. "Vhodate tesnymi vratami" [Let's enter by narrow gate] // Skvoz' asfal't: esse i stat'i. [Throw asphalt: essay and articles]. Novoje literaturnoje obozrenije publ., Moscow, 2012, pp. 36–40.
4. Zhukovskaya T.N. A.E. Presnyakov i marksizm: opyt istoriograficheskoj demifologizatsii [A.E. Presnyakov and marxism: an attempt of historiography demyphologisation] // Rossija v XIX–XX vv. Sb.st. k 70-letiju R.Sh.Ganelina. [Russia in XIX-XX cent. Collected papers for 75-anniversary R.Sh.Ganelin] St.-Petersburg: Dmitry Bulanin publ., 1998, pp. 28–40.
5. Zhukovskaya T.N. Smysl tvorcestva i "zhiznennyj mir": sluchaj A.E. Presnyakova [The essence of science and living world] // Kul'tura istoricheskoy pam'ati. Mater.nauch. konf. [Culture of historical memory. Materials of Science konf.] Petrozavodsk, Petrozavodsk state univ. publ., 2002. pp. 132–162.
6. Sveshnikov A.V. Parizhskije puteshestvija russkih istorikov nachala XX veka // [The trips of Russian historians to Paris in the beginning of XX cent.] // Istoricheskoe znaniye I intellektual'naja kul'tura: Mater. nauch. konf. [Historical knowlwege and intellectual culture. Materials of science konf.] Moscow, 2001, pp. 233–237.
7. Ryzhenko V.G., Mamontova M.A., Korzun V.P. Puteshestvija russkih istorikov kontsa XIX – nachala XX v. kak kul'turnaya traditsija [Trips of Russian historians of the late XIXth – early XXth as a cultural tradition] // Mir istorika. XX vek [The Globe of historian. XX century]. Moscow, 2002, pp. 93–139.
8. St.-Petersburg department of Arhive of Russian Academy of science. Ph. 113. Op. 3. D. 10: Pis'ma A.S. Lappo-Danilevskogo – E.D. Lappo-Danilevskoj [Letters of A.S. Lappo-Danilevsky – to E.D. Lappo-Danilevskaya].
9. «Parizh teper' javliaetsa stolitsej russkih revolutsionerov». Russkij Parizh glazami parizhskoj politsii Publ. D.A. Gutnov [“Paris now is the capital of Russian revolutionaries“. Russian Paris by view of parish police. Publ. by D.A. Gutnov]. Istochnik [The Source]. 2000, no 4(46), pp 14–31.
10. Scientific archive of St.-Petersburg Institute of History RAS. F. 193. Op. 2. D. 11: Pis'ma Y.P.Presnyakovoj – A.E. Presnyakovy [Letters of Y.P. Presnyakova to A.E. Presnyakov].